

Вячеслав Лютов

НЕСЕКРЕТНАЯ ИСТОРИЯ

Озерск, Снежинск, Трехгорный

Вячеслав Лютов

**Несекретная история. Озерск,
Снежинск, Трехгорный**

«Издательские решения»

Лютов В.

Несекретная история. Озерск, Снежинск, Трехгорный /
В. Лютов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506496-7

Эта книга приглашает совершить путешествие по истории трех удивительных южноуральских ЗАТО, стоявших у истоков атомного проекта. Каждый город играл свою роль в создании ядерного щита, у каждого сложились особые черты характера, своя мифология и свой городской почерк. Эти очерки дают представление о масштабах атомной отрасли, тайнах технологий, силе человеческой мысли и изяществе городского пространства, вплетенного в суровую красоту уральской природы.

ISBN 978-5-00-506496-7

© Лютов В.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Озерск	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Несекретная история Озерск, Снежинск, Трехгорный

Вячеслав Лютов

© Вячеслав Лютов, 2019

ISBN 978-5-0050-6496-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Все тайное когда-нибудь становится явным...»

Этот миг подобен откровению – именно так три десятилетия назад советский народ, и я, студент университета, в том числе, узнал о перипетиях и хитросплетениях атомного проекта. И не где-нибудь абстрактно в России, а здесь, у себя под самым «челябинским боком» – всего-то в нескольких километрах от Свердловского тракта или дороги М-5 Урал. Узнал о «Сороковке» (Озерск), «Семидесятке» (Снежинск), «Златоусте-36» (Трехгорный), узнал о ядерном щите и аварии 1957 года, узнал о властителях дум в ядерной физике и об их кремлевских «властителях», узнал о тех, кто создавал целую отрасль на местах: на берегах Иртыша, Синары, Юрюзани.

И чем дальше шло время, тем больше было этих «узнаваний». Впечатления (прежде всего, от прочитанного) становились историческими заметками, складывались в небольшое путешествие по закрытым городам. Лишь позднее мне удалось посетить все три южноуральские «запретки» – увидеть своими глазами эти «необычные обычные города», почувствовать их характер, перебраться «парой слов» с жителями.

В общем, слова и накопились за все эти годы. Да и шутка ли – выписать не просто историю городов, а становление целой отрасли, таинственной и пугающей! К тому же эта безумная история оказалась запрессованной в считанные десятилетия – мизер в сравнении с вечностью. Города, созданные и заточенные под атомный проект, даже по отношению к историческому процессу стоят на особицу. Здесь нет той медленной событийной поступательности, которая свойственна старым городам; здесь история не вызревает в недрах, не произрастает, меняясь со временем в характере; здесь все и сразу, подобно падению метеорита – стремительно и по государственной воле.

Да, все закрытые города появлялись по одному сценарию, по одному сюжету. Но зато какие вариации, диалоги, сцены, фон! Свои мифологические интуиции, наполненные чувством свободы, и маленькие радости жизни за охраняемым периметром. Свое городское пространство, выведенное каллиграфическим почерком ленинградских архитекторов, и буйство цветочной фантазии под хвойный сосновый запах. Свои городские и заводские легенды, приправленные таинством технологий, и люди, которые сами становились легендарными.

Вот об этом и хочу рассказать – воздержавшись от академической сухости (это не научное исследование, хотя база источников полна и точна) и от визуальных брызг в виде иллюстраций (памятуя о чужих авторских правах и веруя в воображение читателя). Поэтому – просто заметки, несекретная прогулка по неизвестной истории закрытых городов...

Челябинск, 2019 г.

Озерск

Сидя на берегу Иртыша

Возможно, не очень-то правильно начинать историю города с незатейливых личных воспоминаний. Но «впечатления о неведомом» подспудно довлеют над историческими записками.

Это было в начале 1990-х годов, когда я приехал учительствовать в Каслинский район и у меня появились первые друзья в здешних краях. Мы сидели вечером на берегу Иртыша, естественно, со стороны Каслей, разложив на большом сером валуне нехитрые дружеские закуски, – и всматривались в противоположный берег, где над лесными верхушками высовывались озерские многоэтажки. Высовывались крайне неосмотрительно, небрежно, «несекретно». Но город был словно локоть – близок, а не укусишь.

Мне тем временем рассказывали различные байки, которые в обилии ходили среди местного населения – начиная с бронированного автомобиля Лаврентия Берии и завершая радиоактивным кыштымским гуманоидом Алешенькой и прочими кызылташскими мутантами.

И сейчас, приступая к заметкам, я понимаю, что сколь бы много ни открывалось информации, какой бы исторически насыщенной она ни была, от «неведомого характера» Озерска не избавишься.

Стремительный век

История советского атомного проекта сегодня расписана подробно, «с картинками» – с многочисленными воспоминаниями, исследованиями, документами, свидетельствами. Обрастает подробностями и история города, волею судьбы и государственных задач вписанная в этот сумасшедший по своей стремительности и напряженности проект, который реализовывался на южноуральской земле «всенародно» и «всесекретно».

История Озерска и вправду похожа на реактор. Чрезвычайно насыщенная, спрессованная в столь коротком промежутке времени, отделенная от мерного течения уральской бытийственности, опасная и непредсказуемая, она попеременно принимает черты характера того или иного завода на территории химкомбината «Маяк», черты характера тех людей, которые строили и комбинат, и город. И напряжение этой истории, рожденной в мировом урановом противостоянии, зашкаливает.

Только с подобными оговорками можно попробовать – попытаться – приоткрыть озерские десятилетия.

Историческая база о Базе-10

Когда в начале 1990-х годов вышла книга В. Новоселова и В. Толстикова «Тайна «Сороковки», она, как это принято говорить, произвела эффект разорвавшейся бомбы – ее читали запоем, поражаясь масштабом описанных событий. Ее, ходившую по рукам, было сложно найти – не «спасал» даже дополнительный 20-тысячный тираж. К счастью, мне удалось «выцыганить» крайне зачитанный экземпляр. Эта книга пусть не подробно, но широкими, сочными мазками открывала историю Озерска.

Сегодня продолжение этой истории, может быть, не столь шумное, большей частью перешло в интернет. Созданы полнотекстовые электронные базы – как по истории города, так и непосредственно по «Маяку». Опубликованы разнообразные статьи, исследования, воспоминания. Вышли мемуары инженеров-атомщиков, руководителей отрасли – того же Ефима

Славского, например. Прочесть все за один присест явно не получится. На это и не рассчитываю, отправляясь в путешествие по озерским улицам.

Важно одно: люди ценят и хранят свою историю, и это достойно уважения...

Война после войны

«У России хотят отнять Победу» – именно в таком ключе, помимо чувства ужасающего варварства, была воспринята атомная бомбардировка японских городов Хиросимы и Нагасаки. И высказал эту мысль директор Ленинградского Радиового института, первый руководитель «Урановой комиссии» при АН СССР, академик Виталий Хлопин, прекрасно понимавший суть этого «акта устрашения».

Атомное противостояние началось еще до Великой Отечественной войны. Но теоретическая физика обрела практические очертания в виде нового оружия лишь к лету 1942 года, когда пришла шифровка об англо-американском проекте «Трубные сплавы» – будущем «Манхэттенском проекте». Одновременно с боями за Сталинград начиналась битва за уран, которую повел А. П. Завенягин, возглавивший Девятое управление в системе лагерей НКВД. А в феврале 1943 года решением Государственного Комитета обороны принято решение о создании единого научного центра по разработке атомного оружия во главе с И. В. Курчатовым.

Начало «войны после войны» будет положено 20 августа 1945 года – в этот день также решением ГКО был образован Специальный Комитет, чьи директивы приравнивались к постановлениям Совмина и подлежали беспрекословному исполнению. Возглавил комитет Л. П. Берия.

А через два месяца Спецкомитет утвердил место под строительство промышленного реактора...

Стратегическое место

В истории случайного мало, и в выборе стратегического места под первый реактор было некоторое предопределение.

«В районе Кызылташа на берегу Течи возможно создать опорный пункт... Тыл опорного пункта скрыт лесом, обстрел хороший... Артиллерийские батареи можно расположит: одну у дороги Кыштым-Метлино в лесу, другую – в одной версте к западу от заимки за хребтом, третью у дороги Улагач—Кыштым... Между озерами Иртяш и Кызылташ обстрел получится от одной до трех верст...»

Этот документ родом из контрразведки А. В. Колчака – как раз накануне сокрушительного разгрома его армии. Стратегическое место перехода через Уральские горы, тем не менее, не стало ни укрепрайоном, ни полем битвы за власть – в июле 1919 года колчаковцы оставили кыштымские земли практически без боя.

Свой стратегический статус район Кызылташа и Иртяша получит через четверть века.

Вода, ветер и медные трубы

Место под реактор было выбрано идеально – поэтому практически не было споров вокруг будущей площадки.

Во-первых, здесь было достаточно водных ресурсов, необходимых для работы реактора – целая система озер под руками! Вода была ключевой – в прямом и переносном смыслах. На «Маяке» всем известно классическое предупреждение И. В. Курчатова начальникам смен: «Предупреждаю, что в случае остановки подачи воды будет взрыв, поэтому ни при каких обсто-

ятельствах не должна быть прекращена подача воды. В крайнем случае, может быть остановлена вода рабочего хода. Вода холостого хода должна подаваться всегда».

Во-вторых, место удивительным образом обеспечивало и режим секретности, и кадры. Старопромышленный район, в котором сложилась своя школа подготовки квалифицированных специалистов, способных решать самые сложные задачи в экстремальных условиях, находился в глубине, но все же в центре страны; в стороне, но не совсем далеко от крупных индустриальных городов и транспортных путей; с характером «медвежьего угла», но все же обжитой.

Наконец, «в пользу реактора» складывались и природные особенности: болотистая почва сменялась скальными породами, речные протоки связывали озера воедино, удачной оказалась и роза ветров. Кстати, с ветром произойдет своя примечательная история.

Полет «Дугласа»

Ветер многое значил. Ефим Павлович Славский, тридцать лет возглавлявший «атомное» Министерство среднего машиностроения, вспоминал: «Чтобы выбрать место, где грамотно „посадить“ реактор атомный, мы изучали воздушные потоки и местность. Определяли длительное время, потому что предполагали, что радиация будет выходить в атмосферу...» Поэтому вопрос – откуда ветер дует? – был далеко не праздным.

В первоначальных задумках комбинат и город были поменяны местами: под реактор отводился берег Иртыша, под город – берег Кызылташа. Рокировка произойдет осенью 1945 года. «В один из относительно ясных дней над озерами между Каслями и Кыштымом долго летал двухмоторный «Дуглас», в котором находились генералы Завенягин, Комаровский, другие участники изысканий. При облете, когда окончательно определялся план размещения завода и города, разгорелся спор: где именно и что ставить.

Тогда руководитель изыскательской партии В. П. Пичугин и задал тот самый вопрос о ветре. Комаровский потребовал прекратить облет территории и садиться: «Будем изучать розу ветров!» В итоге дополнительных исследований будущий Озерск разместили с наветренной стороны – на Иртыше...

Красные от земляники

Василий Петрович Пичугин, начальник отдела изысканий Челябметаллургстроя, знал, о чем говорил. Не прошло и месяца после Великой Победы, как он вместе с другими изыскателями-геологами отправился на разведку. Они прошли сотни километров, изучив сначала места вокруг Синары и Иткуля – там, где сейчас стоит Снежинск, – а затем спустились к Теченским просторам.

Это был самый разгар лета. Все вокруг было усыпано земляникой. Рассказывают, что к вечеру кирзовые сапоги изыскателей «раскалялись докрасна» от подавленных ягод.

Смутно, лишь в общих чертах представляя производственный проект, группа Пичугина, разложив ландшафт на составляющие, подготовив геологические и геодезические записки, все же попыталась вписать в пейзаж будущие промышленные объекты и жилые поселки.

На старой демидовской дороге

В уральских пейзажах нет ни суетности, ни эльфийской сказочности. Старая демидовская дорога, соединявшая Касли и Кыштым по юго-восточному берегу Иртыша, пропадала среди сосновых и березовых лесов, осиновых колков в низинах, боярышника, рябины и черемухи. В болотистых местах царствовала осока, тянулся выше человеческого роста тростник.

Токовали тетерева, вздымались вверх куропатки, ухали глухари. В береговых зарослях водились бобры и ондатры, по лесам сновали шустрые зайцы и бродили величавые лоси.

Хватало места под солнцем и человеку. Вокруг будущего комбината располагалось несколько маленьких поселков: на берегу Кызылташа – вотчины совхозов «Коммунар» и «Смычка», на Иртяше – поселок Старая Теча и корундовая фабрика при нем. Кстати, Теченское рудоуправление лелеяло надежду приступить к разработке Кызылташского месторождения корунда – но, увы...

Поздней осенью 1945 года – 9 ноября, сразу после праздников, по первому снегу и морозу – тишина демидовской дороги была нарушена группой строителей во главе с Д. К. Семичастным. Этот день и открывает историю Озерска. А на следующее утро Я. Д. Раппопортом был подписан приказ №26 «Об организации строительного района №1 I». Яков Давыдович станет и первым начальником строительства комбината.

Время прибытия

Первых строителей, прибывших с Челябметаллургстроя еще в конце декабря 1945 года, разместили в животноводческих постройках ближайшего совхоза, предварительно вычистив их и соорудив двухъярусные нары. В прежнем гусятнике разместился медпункт. Для инженеров-строителей утеплили веранды летнего пионерского лагеря. Веранду делили на две половины, в каждой было по одиннадцать кроватей и одной печке.

В январе 1946 года на стройплощадку прибыл и первый военно-строительный батальон. Прибыл ночью, поэтому солдатам пришлось поротно греться в общежитии-бараке, а уже утром вырос городок из утепленных палаток. Офицеры вместе с семьями разместились на частных квартирах в Кыштыме и Метлино.

По весне вырыли первые землянки для военных строителей. Огромные, в 50 метров длинной, перекрытые бревнами, они вмещали до ста человек. Жить в них долго было невозможно, поэтому батальоны сразу же по теплу приступили к строительству бараков. Но землянки исчезнут не скоро. Они составят основу первого лагерного участка: в огражденной зоне землянки строились из расчета 1,3 кв. м на заключенного.

В 40 тысяч лопат

Вообще, народ прибывал постоянно. Основной поток военных строителей и спецконтингента придется на начало лета 1946 года. С «Челябметаллургстроя» сюда будет переведен строительный полк и начнется строительство лагерных участков.

В репрессивной по своей сути советской системе координат мобилизовать на строительство огромное количество людей не составляло большой проблемы. Военные шли по приказу, остальные – по «указу». Так, в августе 1946 года, когда начались работы по рытью котлована для реактора, на берегах озера Кызылташ стояли 4 воинских гарнизона – 11 тысяч человек. К концу года, кроме военных строителей, здесь трудилось уже около 40 тысяч человек.

Люди – вернее, группы людей – были самые разные: 9 тысяч заключенных, переброшенных на строительство из лагерей; около 3 тысяч интернированных, то есть возвращенных из Германии советских граждан; около 15 тысяч спецпереселенцев и трудармейцев, в основном, поволжских немцев. Были и своеобразные категории: например, «указники» – осужденные за мелкое хулиганство, а также «мародеры» – офицеры-фронтовики, осужденные уже после войны на три-четыре года.

Кроме того, на строительстве комбината в том году насчитывалось свыше трех тысяч вольнонаемных и инженерно-технических рабочих.

Солдаты дымом греются...

Начало строительства выдалось крайне тяжелым. Зимой 1946 года кызылташские просторы представляли собой сплошное заснеженное бездорожье. Вообще, зима выдалась очень снежной. На лесозаготовках, к примеру, солдаты, сорвавшись со стволов деревьев, уходили в снег прямо с головой, а высота снежного коридора для лесовозов достигала четырех метров.

Вместе с батальоном военных строителей на стройке появились пришедшие своим ходом из Челябинска три тяжелых танка ИС со снятыми башнями и без вооружения. На них планировалось перевозить стройматериалы. Увы, тяжелые машины постоянно проваливались в снежных сугробах и застревали в болотах. От них пришлось отказаться, доверив дело проверенной дедовской движущей силе – лошадям.

Люди валились с ног – что зимой 1946 года, что летом. Практически сразу был введен 10-часовой рабочий день, хотя и он безнадежно «растягивался». Чтобы как-то стимулировать строителей и повышать работоспособность, прибегали к проверенным способам – особо отличившимся выдавали спиртное, табак, продукты. Так, только при строительстве линии электропередач для поощрения строителей было израсходовано 150 литров спирта, 500 килограммов мясных и рыбных консервов и 200 килограммов табака...

Угрюм-река

Любое строительство начинается с дороги – это аксиома, которую невозможно опровергнуть...

В середине января 1946 года под Кыштым перебазировался практически весь состав «третьего строительного района» – железнодорожного подразделения «Челябметаллург-стройка». Работу по строительству ветки возглавили Ф. А. Крупович и И. Е. Вавилов. «Вместе с лучшими специалистами на стройку прибыл целый эшелон со всем необходимым: шпалами, стрелочными переводами, рельсами, вагонетками, тачками, носилками, взрывчаткой, инструментом».

Работали буквально круглые сутки: днем проводили геодезические изыскания, а ночью по полученным данным проектировали отдельные участки. При этом никаких путеукладочных машин или бульдозеров; даже вместо путевых домкратов приходилось использовать обычный кусок рельса, положенный на деревянные чурки.

Весной 1946 год на железнодорожных строителей обрушилась новая напасть – мощным паводком разлилась река Угрюмовка. Глубиной в человеческий рост и размахом до двадцати метров, она казалась мощным потоком на пути железнодорожной ветки. Пришлось срочно строить настоящий мост – пусть и на деревянных сваях, но с пролетами из металлических балок.

Сегодня Угрюмовку, наверное, не каждый и заметит – небольшой ручеек на дне лощины, густо заросшей ольхой и камышом...

По лежневке

Вообще, весна 1946 года всем дала почувствовать «особенности национального перемещения». «Вся территория на строительных объектах стала почти непроходима, – пишут авторы „Тайн Сороковки“. – Слой чернозема после таяния снега превратился в сплошное месиво. Люди передвигались, вытаскивая из грязи поочередно то одну, то другую ногу».

Единственным спасением от распутицы стали известные еще со времен Петра 1 деревянные лежневые дороги. На грунт укладывались толстые продольные бревна – лежни; на них настилались шпалы, как на железной дороге, а сверху – толстые доски под каждую колею.

Лежневки строились под проезд только одной машины, поэтому через каждые пятьсот метров устраивались разъезды в виде сплошного настила. «Главная лежневка» в Озерске связала между собой жилищный поселок, промплощадку и железнодорожный разъезд. Такая же дорога тянулась и до села Метлино.

Кстати, за весьма опасными в эксплуатации лежневками строители ходили, как за детьми – был даже сформирован отдельный дорожный участок, который следил за их состоянием и практически «не вылезал» из ремонта.

По бетонке с ветерком

И все же хорошая дорога для «ежедневного использования» была необходима; и направление ее не вызывало сомнений – от города до комбината. Приняли необычное и, к слову, дорогостоящее по тем временам решение: дорога будет бетонной. Для строителей это решение тоже оказалось неожиданным – «никто из них до этого не строил бетонных дорог и даже никогда не видел их».

Лето 1947 года уйдет на отсыпку полотна, затем работы остановили – дорожная «подушка» должна была естественным образом дать усадку. Через год на окраине поселка собралось немало народу – встречали первые машины с бетоном для экспериментального участка дороги.

«Когда была забетонирована и заглажена первая трехметровая полоса длиной в 30 метров, позвонили начальнику строительства генералу М. М. Царевскому, который тут же, бросив все дела, примчался на своем вездеходе. Любуясь хорошо заглаженной поверхностью только что уложенного бетона, Михаил Михайлович воскликнул:

– Вот это да! Ездить по ней будем с ветерком! Только не открывайте движение без моего разрешения!..

Чертеж на ощупь

Строительство крупных и сложных объектов драматично по определению – оно никогда не проходит ровно, а следом легко перемалывает человеческие судьбы. История с первым отечественным реактором не была исключением.

Серьезно осложняло ситуацию то, что документация на строительство практически полностью отсутствовала. Как пишут исследователи, проектировщики часто не успевали, многие технологические процессы были опробованы только в лабораторных условиях, и никто не знал, как они поведут в промышленном масштабе. Это было уникальное, не имеющее аналогов производство.

Кстати, о документации. Как вспоминают ветераны «Маяка», не только при строительстве реактора, но и химических заводов на многие аппараты не было технической документации – она из-за соображений секретности просто-напросто уничтожалась в первые же дни запуска оборудования. И следующие поколения знакомились с предметом своей заботы лишь со слов ветеранов.

Вгрызаясь в землю

Между тем, объемы работ были просто колоссальными. Иногда достаточно обычной статистики, чтобы, не комментируя, почувствовать масштабность замысла.

Так, в ходе возведения главного реакторного здания за полтора года был проведен колоссальный объем работ: вынуто 190 тысяч кубометров грунта, значительную часть которого

составила скальная порода, уложено 82 тысячи кубометров бетона и 6 тысяч кубометров кирпича.

В самом реакторе – в этом сложнейшем инженерно-техническом сооружении – было смонтировано 1500 тонн металлоконструкций, 3500 тонн оборудования, 230 километров труб различного диаметра, 26 кранов и кранбалок, 5745 единиц запорно-регулирующей аппаратуры, 3777 приборов, 182 пульты управления, щитов штативов. В ходе монтажных работ уложено, разделано и подключено 165 километров электрического кабеля, произведена металлизация десятков тысяч квадратных метров поверхностей.

За всю эту потрясающую статистику руководству комбината приходилось отвечать в буквальном смысле головой...

Три директора

Поначалу в структуре управления комбинатом сложилась внешне парадоксальная ситуация: да, три директора, «святая троица», как их в шутку поначалу назвали, совершенно точно при этом намекая на знаменитую икону Андрея Рублева.

Именно триединство лучше всего объясняло суть производственной задачи. В частности, «завод А» – это непосредственно уран-графитовый реактор, «завод Б» планировался как радиохимическое производство по выделению плутония. Наконец, «завод В» должен был выдавать конечный продукт – особо чистый металлический плутоний, необходимый для ядерного заряда.

В такой тройственной конфигурации 1 декабря 1945 года решением правительства был образован комбинат №817. Общее научное руководство осуществлял И. В. Курчатов, главным конструктором был назначен Н. А. Доллежал. Директорами трех заводов по порядку стали П. Т. Быстров, Е. П. Славский и Б. Г. Музруков.

Правда, подобный триумvirат продлится недолго – уже с весны 1946 года на комбинате будет введено единоначалие.

Проспект Победы

Один из проспектов, с которого начинался Озерск, – проспект Победы – носил когда-то имя Л. П. Берии.

При всей «кроваво-репрессивной оценке» этой противоречивой личности приходится признавать: и в тоталитарной системе координат мобилизовать колоссальные человеческие и материальные ресурсы для решения стратегической задачи – тоже особое искусство.

У старшего поколения горожан, к слову, сформировалось ощущение, что Берия, как и Курчатов, находился на строительстве комбината безвылазно – реактор был и его детищем. Много позднее, в 1953 году, когда на июльском пленуме ЦК его будут дружно клеймить как преступника, шпиона и врага народа, Курчатов заявит прямо: «Если бы не Берия, атомной бомбы бы не было».

В атомном проекте эти два человека шли «рука об руку» – причем, в прямом смысле. Многие запомнили, как Лаврентий Павлович решительной и уверенной походкой шел по цехам, пренебрегая расстеленной для него ковровой дорожкой. Вместе с Курчатовым он прошел и по «пятакчу» – по самой крышке реактора...

Разнос от Берии...

Впервые Л. П. Берия приехал под Кыштым летом 1947 года – уже после того, как стало понятно, что обещанной Сталину к концу года бомбы не будет. «Специальный поезд, в соот-

ветствии с существовавшими тогда требованиями безопасности для членов Политбюро, остановился в лесу, неподалеку от строящегося реактора. По промплощадке Берия ездил в бронированном семитонном «Кадиллаке» в сопровождении охраны, которая появлялась первой там, куда должен был приехать председатель Спецкомитета.

Очевидцы рассказывали о манере поведения Берии. Говорил он негромко, с акцентом, не кричал, больше молча слушая пояснения специалистов. Не демонстрировал показной заинтересованности деталями технологии. Большой свиты вокруг него не было. Далеко не все могли выдержать его пронзительный взгляд. Даже у Курчатова, когда Берия выражал недовольство чем-либо, начинали мелко дрожать руки...»

Естественно, приезд Берии не остался без последствий – начальник строительства Я. Д. Раппопорт был отстранен от руководства, освобожден от должности и первый директор комбината П. Т. Быстров. На их место были назначены М. М. Царевский и Е. П. Славский.

...и Ванникова

Ничего хорошего не предвещал и «разбор полетов» у начальника Первого главного управления Бориса Львовича Ванникова. У него на совещаниях обычно «сидели два полковника из госбезопасности, и бывало, что они уводили кого-либо из руководителей стройки неизвестно куда».

Вообще, за ошибки люди наказывались строго, подчас беспощадно. Этим и славился Ванников. Рассказывают, к примеру, историю о том, как инженер Абрамзон допустил погрешность при монтаже оборудования – и прямо из цеха был отправлен в лагерь, который находился тут же, за стенами корпуса. Ванников отобрал у несчастного пропуск и сказал: «Ты не Абрамзон, а Абрам в зоне». Этого оказалось достаточно, чтобы посадить человека на много лет.

Сохранилась в памяти и привычка Ванникова спрашивать у подчиненных, есть ли у них дети. И когда получал утвердительный ответ, говорил:

– Если не выполнишь задание, детей своих больше не увидишь...

Впрочем, в Озерске всегда хорошо понимали, что в подобном промышленном проекте жестокость была, и должна была быть, нормой, поскольку на другой чаше весов этой «этики» – реальная опасность, исходящая от конкретного противника, обладающего сверхмощным оружием. В этом отдавала себе отчет вся «атомная команда»...

Вотчина Ткаченко

Приезд Л. П. Берии в 1947 году помимо кадровых перестановок принес еще одно решение: «полностью изолировать от внешнего мира комбинат №817». Озерская промплощадка становилась особой зоной с повышенным уровнем секретности, получив кодовое название – База-10. Режимную службу возглавлял на объекте Иван Максимович Ткаченко

К своим сорока годам, молодой генерал-лейтенант уже имел «опыт» репатриации народов и «литовскую школу» госбезопасности. Специальным приказом всем работающим на Базе-10 был запрещен выезд за пределы зоны. Семь лет из города никому не разрешалось выезжать в отпуск – до 1954 года. Даже фотографироваться можно было только по специальному разрешению и в присутствии работника оперативного отдела.

Сегодня с иронией говорят, что именно ведомство Ткаченко стало «главным источником шпиономании в Челябинске-40» и не только не пресекало слухи о шпионах, но, напротив, само их и провоцировало. Между тем, с Ткаченко предпочитали не спорить – и если он, к примеру, потребовал не устраивать никаких праздничных демонстраций, чтобы «противник» не мог установить хотя бы приблизительное количество рабочих, то никаких шествий и не устраивали.

Несомненно, постоянная напряженность заставляла быть бдительными – в итоге за всю советскую историю ПО «Маяк» фактов промышленного шпионажа не было.

По периметру Базы-10

Создание режимных зон не было чем-то необыкновенным для органов НКВД – они умели обносить колючей проволокой целые территории, не говоря уже об отдельных объектах. Но сейчас, в середине 1940-х годов на Южном Урале ситуация оказалась принципиально иной – слишком высока была цена ошибки.

В том же 1947 году, к примеру, по периметру зоны разместили артиллерийские подразделения с зенитными пушками – и в дальнейшем граница будет только усиливаться. Позднее жители города к этому охраняемому периметру привыкнут – и он станет одной из главных составляющих психологии закрытых территорий.

Кстати, рассказывают занятную историю. «Однажды ночью на объект неожиданно приехал Л. П. Берия. Приехал, а караульный солдат его не пускает – предъявите, мол, пропуск. Парню говорят: „Ты что не видишь, кто перед тобой?“. Он уперся. Так и не пустил Берию! И тот вернулся в свой поезд. Многие думали: всё – расстреляют парня. А Берия этого солдата поощрил двумя месяцами отпуска! За то, что тот бдительно охранял объект, не отошел от требований устава...»

Жесткий контроль и невозможность попасть на «большую землю» – а именно так стали называть мир за периметром – естественно, действовал угнетающе. Одновременно с запретами все работающие на площадке «перестали быть случайными и безымянными: будь то военные строители, спецпереселенцы или гражданские» – составленные на них списки были точны и подробны...

Неблагонадежный элемент

Следом за физической организацией периметра началось «изъятие неблагонадежного элемента» внутри самой Базы-10. По меньшей мере, по указанию Берии, на промплощадке запретили работать репатриированным гражданам и представителям немецкой национальности. Сохранить удалось лишь нескольких немцев, имевших высшую квалификацию – они были в буквальном смысле незаменимы. Всех, попавших в «черный список», отправили за тридевять земель – на Колыму или в Среднюю Азию.

Естественно, совершенно не церемонились с нарушителями. Человека за провинности (не говоря уже о преступлении) арестовывали и отправляли «со статьей» по лагерному этапу. Позднее, эти меры несколько смягчились – провинившихся попросту выпроваживали на «большую землю», лишая превосходного московского снабжения, спецобслуживания и полного «социального пакета». Отсюда так много в прилегающих к Озерску или Снежинску селах «городских неудачников».

Режимная зона

«Зачистка» коснулась не только озерской площадки, но и режимной зоны вокруг нее – а это почти сто населенных пунктов в Каслинском, Аргаяшском, Кузнецком, Кунашакском районах и непосредственно город Кыштым.

С местным населением не церемонились. Всем, кто имел когда-либо судимость, надлежало покинуть район. Переселением 3 тысяч человек занималась специальная комиссия. Действовали быстро – выселяемым объявлялось решение и давалось несколько часов на сборы

(успевали собрать лишь необходимые вещи); затем к дому подгонялся транспорт, и в сопровождении солдат люди и вещи доставлялись на железнодорожный разъезд...

Земли, отведенные под строительство «сороковки», объявлялись абсолютно закрытыми; совхозы и колхозы расформировывались, жители деревень также выселялись. Те, кто оставался в режимной зоне, были обязаны иметь паспорта и прописку. «Запрещалось и пускать на ночлег и временное проживание кого-либо без прописки... В режимной зоне запрещали охотиться, рыбачить, собирать грибы и ягоды... Граждане были обязаны помогать милиции в поимке и доставке нарушителей, а также доносить о всяких нарушениях и подозрительных лицах в органы внутренних дел».

Язык за зубами

С оставшихся взяли подписку о неразглашении в течение 25 лет любой информации, связанной с объектом. Более того, в первое время вообще была запрещена какая-либо переписка – никакой утечки информации, даже намек на нее. Эта мера была вполне обоснованной – и любой работник нового предприятия начинал понимать это с первых же дней. Затем переписку разрешили, хотя, естественно, она просматривалась.

Позднее вспоминали историю, больше похожую на легенду, одного вполне добросовестного работника, который «написал с гордостью в письме своим родителям о том, что он трудится на объекте, о котором знает сам товарищ Берия, – его немедленно арестовали, осудили и отправили в лагерь на несколько лет».

Подобные «уголовные сводки» регулярно доводились до сведения работников Базы-10 – чтобы человек чувствовал, что каждый его шаг находится под контролем. Такое психологическое давление имело и другие задачи: развивало корпоративные черты жителей закрытых территорий, их исключительность и самодостаточность.

Выпавшие из мира

Руководство страны понимало, что разношерстную массу строителей рано или поздно должен был сменить технический персонал завода-817. Кадрами, учитывая, что специалистов-атомщиков в России еще никогда не было, занимались непосредственно органы госбезопасности. Они и отбирали из числа работников оборонных предприятий наиболее квалифицированных специалистов.

С самого начала исключительность и секретность сквозила во всем. Даже в анкетах: их объем буквально пленял человека – требовалось несколько часов, чтобы ответить на все вопросы. Затем будущий работник направлялся в Москву, где получал «подъемные» деньги и специальное направление ПГУ на имя одного из руководителей Базы-10 среднего уровня. Первые лица в направлении никогда не указывались.

К месту назначения также добирались секретно. На вокзалах в Челябинске и Свердловске командированных встречали представители ПГУ. По прибытию в Кыштым садили в неприметную машину – «коломбину» – с зашторенными окнами, чтобы нельзя было сориентироваться на местности. «Можно представить себе состояние приехавших, когда они видели, что въезжают на территорию, огражденную колючей проволокой, охраняемую вооруженными солдатами». Человеку, попадавшему на Базу-10, казалось, что он как будто «исчезал», «выпадал из мира» – ради неизвестной, но очень важной цели...

«Аннушка»

Реактор в полной мере можно назвать удивительным произведением инженерного искусства. Он был красив и сложен одновременно. Реактор завораживал еще на строительстве котлована. Но настоящая эпопея развернулась с началом монтажа, где многое приходилось решать на ходу, принимая нестандартные решения. Задачи тоже говорили сами за себя. Например, под реактор пришлось уложить металлическую подушку весом 80 тонн, или смонтировать плиту из нержавеющей стали, в которой находилось свыше тысячи технологических отверстий и на которой устанавливалась графитовая кладка.

Поражала и инженерная «начинка» реактора. Было установлено более пяти тысяч всевозможных приборов, реле, щитов управления, самопишущих устройств, почти шесть тысяч запорной арматуры: муфт, задвижек, кранов для подачи воды. Весь реактор был буквально усыпан электрическими проводами – рассказывают, что кабеля хватило бы протянуть от Челябинска до Екатеринбурга.

Все инженерные схемы проекта назывались ласково: Татьяна, Ольга, Роман, Елена. Правда, собственно реактор монтажники называли «самоваром» – грубо, но по сути точно. В целом, объект «А» – атомный реактор – вошел в историю под именем Аннушка.

Кошкин дом

1 марта 1948 года началась укладка графитовых блоков. За этой ответственной операцией постоянно следил главный конструктор Н. А. Доллежал. Предстояло уложить тонны чистейшего графита – ровненько по отверстиям с отклонением не более полумиллиметра.

Это приходилось делать в идеальной чистоте – любое загрязнение привело бы к разрушению блоков. Стен у реактора еще не было, и над ним соорудили огромный купол, защищавший кладку от малейшей пыли. Рядом специальный барак с практически стерильной внутренней отделкой – «Кошкин дом», как его прозвали по фамилии одного из прорабов. Здесь шла перегрузка графитовых блоков. Естественно, в помещении запрещалось курить, есть; прежде чем попасть сюда, работники проходили санитарную обработку. Готовые блоки по герметически закрытой галерее спускали в реактор. Затем законченную кладку обложили стальными плитами и накрыли технологической решеткой для укладки урановых блочков.

Изнутри «Аннушка» была готова к работе.

Жаркое лето 1948 года

Все решит июнь 1948 года. Проект, который к огромному раздражению И. В. Сталина запаздывал по срокам, был готов к пуску.

Поздним вечером 7 июня на реакторе было все управление комбинатом во главе с Ваниновым. «Научный руководитель Уранового проекта И. В. Курчатов, не скрывая волнения, занял место главного оператора пульта управления и произвел пробный запуск реактора. К половине первого ночи цепная управляемая ядерная реакция в реакторе была получена. Игорь Васильевич заглушил реактор – стало ясно, что „Аннушка“ может работать...»

К 19-му июня была завершена подготовка к выходу на проектную мощность. Эта дата и станет днем рождения «Маяка». В 12 часов 45 минут состоялся промышленный пуск реактора. К этому времени в нем уже было накоплено несколько микрограммов плутония. Победный рапорт моментально ушел в Москву – Берия доложил Сталину об успехе...

Первый «козел»

Радоваться было рано. Не прошло и нескольких дней с пуска реактора, как возникла серьезная проблема: некоторые урановые блоки разрушились и намертво спеклись с графитом.

В металлургии такое явление называют «козлом». Реактор пришлось срочно остановить. Пять суток искали причину аварии и способы ее устранить – самой технологии «разделки козлов» еще не было.

Курчатов принимает решение разгонять реактор вместе с «зависшими блоками» – требовалась наработка плутония хотя бы для одной, первой, бомбы. За полгода работы реактора было более 40 зависаний, и в январе 1949 года, когда необходимое количество плутония было получено, «Аннушка» встала на капитальный ремонт.

Е. П. Славский назовет эпопею с ремонтом «чудовищной». Из реактора требовалось во что бы то ни стало вытащить разрушенные и уже облученные урановые блоки – при дефиците урана его потеря означала бы срыв атомного проекта. Извлекали специальными приспособками, которые разработала служба главного механика. Рассказывают, что вынутые блоки Курчатов лично тщательно и придирчиво осматривал, отбирал. Если бы его обманом не увели из зала, то он мог бы погибнуть за этой безумной сортировкой...

Стул для Завенягина

Иногда кажется, что люди той эпохи были слеплены из другого теста. На риск шли вполне осознанно, независимо от должности и положения. Один из таких «уроков» провел генерал Завенягин, который по поручению Берии приехал разбираться с очередной аварией: расплавились стенки технологических каналов и началось разрушение труб, охлаждающих реактор.

«Картина, открывшаяся Завенягину, была ясной: забившую канал пробку из застывшего алюминия необходимо высверливать. Понятно и то, что облучения рабочих не избежать, тем более что реактор не заглушен. Но выбора нет. Поэтому генерал НКВД берет стул, ставит его в нескольких шагах от работающего реактора и усаживается, готовясь наблюдать за работой. Рядом с ним устраивается и генерал-майор инженерной службы, директор комбината Борис Музруков. Психологический расчет оказался точным: рабочие, видя, что генералы сидят рядом, приступили к работе. Главный дозиметрист Борис Дубовский попросил генералов отойти подальше от активной зоны, но услышал в ответ:

– Видишь, как люди работают в самом пекле. Нечего на нас навешивать дозиметры, нечего заниматься ерундой...

Злополучный канал рассверливали шесть дней, все это время Авраамий Павлович сидел рядом с работающими ремонтниками и только после полной ликвидации аварии вернулся в Москву».

Лиха беда начало

Опыт работы на реакторе накапливался быстро, хотя «Аннушка» поначалу преподносила сюрпризы почти ежедневно: от «козлов», с которыми научились быстро справляться, до замерзания «тяжелой воды», которая циркулировала в системе охлаждения.

И все же инженерные и конструкторские идеи, вложенные в первый российский реактор, оказались на большой высоте. После первого капремонта «Аннушка» проработала без каких-либо серьезных сбоев 39 лет и была выведена из эксплуатации в июне 1987 года.

По соседству с ней в 1950—1952 годах было выстроено еще несколько усовершенствованных аналогов – пять новых реакторов. Они будут служить обороне, пока принципиально не изменится технология обогащения урана.

Завод №22

Заповедь И. В. Курчатова, что «подача воды на реактор не должна прекращаться ни на минуту, ни при каких обстоятельствах», на «Маяке» соблюдали крайне строго – на воздух взлетать никто не хотел. Это, собственно, и объясняет, почему привычная насосная станция, которая на любом другом производстве не вышла бы за ранг подсобного цеха, здесь превратилась в настоящий завод.

Объект водоподготовки, или завод №22, считался одним из мощных и лучших в стране. В нем было несколько насосных станций, которые поставляли воду на реактор в три подъема. Причем, не просто воду – ее тщательно готовили: очищали, осветляли, умягчали, добавляли необходимые реагенты. Химически она проходила несколько стадий, и под каждую формировалось свое производство. Спроектированный на замкнутый цикл завод, естественно, принимал в свои очистные сооружения горячую воду, вернувшуюся с реактора.

Фонарики под водой

Естественно, объект водоподготовки строили одновременно с первым реактором. На берегу озера Кызылташ, откуда производился водозабор, всегда было светло. Как вспоминает ветеран ПО «Маяк» Ю. Н. Елфимов, по ночам рабочие участки освещались прожекторами с понтоном или с берега. Были и специальные герметичные светильники для работы под водой. Поэтому казалось, что озеро светится изнутри.

Объем работ был значительным. «На мелководьях и у берега пробивали под водой десятки, сотни метров траншей под водозаборные трубопроводы, а еще требовалась засыпка от промерзания. Велись и подводные взрывные работы на скальных участках, а также подводное бетонирование оголовков труб. Установка муфт, стыковка труб требовали высокой квалификации и навыка».

Берег Кызылтыша стал настоящей «стоянкой водолазов». Их число в наиболее напряженное время достигало сорока-пятидесяти человек. Все водолазы имели большой опыт – их собирали по разным экспедиционным строительным отрядам. Позднее, уже после пуска первых реакторов, к привычным условиям подводной работы добавилась еще одна: температура.

Кипящий Кызылташ

Вода с реактора возвращалась горячей настолько, что за несколько сезонов озеро совершенно изменилось. Вода в озере не замерзала даже в самые суровые зимы. Здесь всегда парило, и царил иней, создавая совершенно невероятные узоры. По берегам таились лисы, поджидая уток и гусей, которые во множестве тянулись к теплой воде.

У самого водозабора она становилась невыносимо горячей. Бывший водолаз А. А. Горбачев рассказывал, что допуск работы водолазов под водой был всего лишь один час в специальных термозащитных костюмах. «Однажды наш верный друг пес, овчарка, который постоянно сопровождал нас, прыгнул с водолазного бота на стоящий рядом понтон со щебнем, поскользнулся и сорвался с обледенелого понтона в воду. Когда через несколько минут его подняли, он был мертв. Сварился, бедный пес... И тогда многие подумали: «А что, если кто-то из нас случайно сорвется?..»

Сегодня этого уже нет. После остановки уран-графитовых реакторов, сброс горячей воды прекратился, и озеро начало замерзать. Утки и гуси теперь здесь не зимуют, но очень быстро начала размножаться и расти рыба, достигая порой гигантских размеров.

Впрочем, такие рассказы бытуют в этих краях повсеместно, став своего рода «издержками» реакторного производства...

Завод на глазок

Полученный на реакторе плутоний являлся лишь полуфабрикатом – над ним еще предстояло работать, колдовать. Плутоний должен был пройти капитальную очистку: до спектрально чистого состояния. В промышленных масштабах такую работу никто не проводил, был лишь лабораторный опыт в пробирках на миллиграммовых количествах материала.

Радиохимический завод – объект «Б» – оказался, пожалуй, многострадальным на переделки. Спроектированный по принципам общей химической технологии, он имел ряд конструктивных недоработок. Изменения в чертежи вносились с самого начала строительства – с 1 декабря 1946 года – прямо по ходу работ. Более того, приходилось переделывать уже построенное. Рассказывают, что на протяжении всего строительства на площадке стоял невообразимый шум от отбойных молотков – дробили не только породу, но и уже забетонированные участки в связи с новыми чертежами.

Бетон здесь был везде. Сам завод представлял собой более ста замкнутых забетонированных помещений – каньонов, как их здесь называли. Так что «посторонним» элементам ПерIODической системы вход был запрещен...

Битумные черти

Завод «Б» был сплошь заизолирован. Все стены и полы в производственных помещениях были покрыты слоем битумной мастики, потолки на три раза покрашены смесью битума с бензином. На строительство свезли все имевшиеся у комбината котлы, которые топились дровами – битум в них разогревался шесть часов подряд. Затем горячую мастику вручную наносили на стены.

«Как муравьи, во всех направлениях сновали строительные рабочие, оголенные до пояса и коричневые от загара, – писали в воспоминаниях ветераны „Маяка“. – Одни перемешивали горячий битум, разливали его по бадьям, другие разносили по назначению. Эти рабочие очень напоминали фантастических чертей из ада, готовящих смолу для грешников. К тому же на головах у них были платки, завязанные в узлы по углам, и эти узлы торчали, как рога».

Эта «адская» работа – не аллегория: бетонирование завода унесло одну жизнь, многие рабочие получили ожоги. Не обошлось без трагедии и на возведении 150-метровой бетонной трубы: во время аварии строительного шахтного тепляка на самом верху сорвался один рабочий...

Барак с иголки

Последний завод «В», завершающий цикл получения оружейного плутония, решили поначалу не строить, а разместить в бывших бараках и складах боеприпасов военно-морского флота. С ними тоже выйдет своя примечательная история.

Главная задача, поставленная перед строителями, – идеальная отделка. Стены и потолки внутри должны быть зеркально гладкими, чтобы даже мельчайшие частицы не оставались на поверхности. А на внешнюю «неказистость» можно было не обращать внимания. Кстати, руководитель строительства А. С. Мухин вспоминал, как к нему подошел академик А. А. Бочвар и сказал:

– Молодой человек, вы когда-нибудь видели отделку бывших купеческих особняков в Москве? Так вот, здесь требуется именно такое качество!..

В феврале 1949 года в преображенный склад с радиохимического завода поступит концентрат плутония для окончательной доводки.

Плутоний ложками

Ветеран войны, участник обороны Ленинграда, Михаил Васильевич Гладышев, будущий директор радиохимического завода, отработывавший технологии очистки еще в лаборатории в Москве, вспоминал, что зима 1948—49 годов была самой сложной в истории объекта «Б». 22 декабря поступила первая продукция с атомного реактора, в торжественной обстановке пустили завод – поместили неочищенный плутоний в специальные растворы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.